

Феномен бродяжничества с точки зрения психосоциальной теории развития: природа, сущность, ориентиры профилактики

В.А. ИЛЬИН*,
Москва, Россия,
va0405@mail.ru

С.В. БОНКАЛО**,
Москва, Россия,
BonKaLoSerG@yandex.ru

В статье рассматривается проблема бродяжничества как социально-психологического феномена, обусловленного личностными девиациями. Конкретизирован понятийный аппарат применительно к широко употребляемой в практикоориентированных исследованиях терминологической связке «бродяжничество — беспризорность (безнадзорность)». Показано, что бродяжничество представляет собой социально-психологический феномен, отражающий дисфункциональное разрешение базисных конфликтов психосоциального развития на ранних стадиях эпигенетического цикла. Обозначены ключевые задачи психолога-практика, направленные на профилактику бродяжничества.

Ключевые слова: бродяжничество, психосоциальное развитие, временная спутанность, патологическое самоосознание, ролевая фиксация.

Актуальность проблемы бродяжничества как социального явления, в настоящее время представляется, на первый взгляд, отнюдь не очевидной. В самом деле, в отличие от «лихих 90-х», на привокзальных площадях, в метро и элект-

ричках не встречаются, во всяком случае, в массовом количестве, беспризорные дети и подростки. Более того, явно сократилось число и взрослых лиц «без определенного места жительства». (Заметим, что в рамках данной статьи мы

Для цитаты:

Ильин В.А., Бонкало С.В. Феномен бродяжничества с точки зрения психосоциальной теории развития: природа, сущность, ориентиры профилактики // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 3. С. 150–156. doi: 10.17759/sps.2015060311.

* *Ильин Валерий Александрович* — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, социальной медицины и реабилитационных технологий Российского государственного социального университета, Москва, Россия, va0405@mail.ru

** *Бонкало Сергей Васильевич* — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и служебной деятельности Российского государственного социального университета, Москва, Россия, BonKaLoSerG@yandex.ru

совершенно осознанно акцентируем внимание на феномене бродяжничества применительно именно к несовершеннолетним — в конце концов, взрослые граждане не только имеют формально-юридическое право вести подобного рода «свободный» образ жизни, но и являются, по сути дела, «производной» от детских девиаций и деприваций в личностном и социально-психологическом аспектах).

Тем не менее, если абстрагироваться от «видовых» впечатлений условного интуриста и даже от вполне серьезных социально-экономических выкладок, свидетельствующих о реальном и существенном сокращении потенциальной базы бродяжничества как социального явления, остаются вопросы, связанные с социально-психологической и индивидуально-личностной природой данного феномена. И здесь необходимо, прежде всего, что называется, договориться о терминах.

Прежде всего, заметим, что понятие «бродяжничество» достаточно часто, в частности, в работах А.В. Глаголевой, позиционируется как рядоположенное с понятиями «беспризорность», а также «безнадзорность» и, более того, по сути дела, в неразрывной связке с ними [2]. Такого рода подход совершенно оправдан, на наш взгляд, до тех пор, пока речь идет о собственно социальных, социально-экономических и социально-педагогических аспектах реальности, описываемой данными понятиями. Однако, если попытаться описать и проанализировать упомянутую реальность с позиций социальной психологии и психологии развития, то именно «бродяжничество» оказывается тем самым понятием (определение мы дадим чуть далее), которое отражает именно психологическую ее природу

и сущность. В таком ракурсе беспризорность и безнадзорность (что, строго говоря, в смысловом плане — одно и то же) можно рассматривать как социальные факторы, провоцирующие бродяжничество. Совершенно не случайно бродяжничество является актуальной проблемой и объектом, прежде всего, социально-психологических исследований во многих странах Западной Европы, а также в США, где в значительной степени отсутствуют, либо минимизированы социальные и экономические причины беспризорности (безнадзорности), актуальные для современной России.

С учетом сказанного, попытаемся раскрыть содержание понятия «бродяжничество».

Достаточно традиционно бродяжничество рассматривается как одна из форм крайней социальной дезадаптации и маргинальности индивида, выражающаяся в отсутствии постоянного места жительства, работы и стабильного дохода — в данном случае речь идет именно об очевидных социально-экономических параметрах определяющих крайнюю социальную проблемность индивида, прежде всего, с точки зрения сообщества, в котором он, таким образом, себя позиционирует и функционирует [3]. Заметим, что в субъективно-личностном восприятии такая социальная позиция далеко не всегда оказывается проблемной. Как показано в ряде работ, как отечественных, так и зарубежных, что существенно важно в данном контексте, исследователей (С.В. Бонкало, А.В. Глаголева, С. Мориц и др.), достаточно часто индивиды склонные к бродяжничеству наиболее комфортно чувствуют себя именно в такого рода экстремальных условиях.

Этот необъяснимый, с точки зрения обыденного сознания и, без всяких кавычек, здравого смысла парадокс, оказывается вполне понятен и, более того, закономерен, если рассматривать феномен бродяжничества в социально-психологическом и индивидуально-личностном контекстах.

Прежде всего, попытаемся определить феномен бродяжничества именно в данном ракурсе рассмотрения. На наш взгляд, это ничто иное, как социально-психологические проявления патохарактерологических и иных личностных расстройств, выражающиеся в периодически возникающей, часто компульсивной, потребности в резкой смене социального окружения, а также в неспособности к полноценной интеграции в группах членства и установлению партнерских отношений, поведенческой ригидности, отсутствии мотивации достижения, отчетливо выраженной предрасположенности к асоциальной активности.

В данном (безусловно не идеальном) определении собственно социально-психологические и индивидуально-личностные составляющие не просто взаимосвязаны, но настолько, в определенном смысле, интегрированы, что если бы мы ограничились этим, то только усложнили бы понимание сути дела.

В этой связи, далее, мы попытаемся не просто содержательно конкретизировать предложенное определение, но и раскрыть глубинную природу данного феномена.

Заметим, что еще в конце XIX в. бродяжничество стали рассматривать как психологическую, точнее сказать, психиатрическую проблему. Было даже введено понятие «пориомания» (от греческого «порос» — путь) — т.е. импульсивная

тяга к перемене мест или «инстинкт бродяжничества» [2].

Позднее психиатры и клинические психологи в качестве первопричины бродяжничества выделяли психопатии различного генеза. Эти гипотезы, хотя и подвергались критике, позднее получили подтверждение в многочисленных исследованиях, в частности, В.А. Жмурова, В.В. Ковалева, М.В. Коркиной и др. [3]. Причем в результате этих исследований список как психических, так и иных расстройств, рассматриваемых в качестве первопричин бродяжничества, был существенно расширен. К ним, в частности, были отнесены шизофрения, невротические расстройства, задержки развития, ранние стадии различных органических поражений и т.п.

При том, что бродяжничество безусловно может выступать как своеобразный симптомокомплекс перечисленных патологий, практика показывает, что в целом ряде случаев к нему склонны лица и, в первую очередь подростки, не имеющие психических и иных патологий.

Гораздо более универсальными причинами бродяжничества являются, на наш взгляд, совершенно определенные особенности психосоциального развития личности. И прежде всего, негативное разрешение базисных конфликтов первых четырех стадий эпигенетического цикла развития, описанного Э. Эриксоном. Попытаемся вкратце обрисовать специфику «вклада» дисфункционального развития на каждой из этих стадий в формирование синдрома бродяжничества.

Как показано в работах Э. Эриксона и его последователей, разрешение базисного конфликта первой стадии эпигенетического цикла в пользу недоверия влечет за собой временную спутанность или

утрату временной перспективы в зрелом возрасте. Это приводит к тому, что, как считает Э. Эриксон, в субъективном восприятии индивида «каждая отсрочка становится обманом, каждое ожидание — переживанием бессилия, каждая надежда — опасностью, каждый план — катастрофой, каждый возможный помощник — потенциальным изменником» [5, с. 191]. Достаточно очевидно, в рассматриваемом контексте, что подобного рода дисфункция, укорененная, заметим, в подсознании, блокирует возможности индивида к установлению не только реально партнерских, но и вообще сколь-нибудь длительных отношений в процессе социального взаимодействия. Одновременно она подталкивает к бегству от потенциальных «изменников» и «обманщиков» в поисках «надежных», «настоящих» людей. Понятно, что одной из наиболее очевидных, так сказать, «естественных» форм реализации в социально-психологическом, а также и, прежде всего, социальном планах такого рода подсознательных импульсов и обусловленных ими установок оказывается именно бродяжничество.

Негативное разрешение базисного конфликта второй стадии эпигенетического цикла влечет за собой, по мнению Э. Эриксона, формирование на интраперсональном уровне болезненного самоосознавания как антитезы свободной воли и уверенности в себе. Такое самоосознавание направлено, как считает Э. Эриксон, «на фиксацию противоречия между самооценкой, образом “я” автономной личности и образом “самого себя” в глазах окружающих» [5, с. 192].

Типичным проявлением болезненно-го самоосознавания как личностной патологии в социальной жизни является

неспособность устанавливать полноценные партнерские отношения, демонстративное поведение, привнесение в любое взаимодействие аффективного компонента. Еще одним типичным, собственно социально-психологическим, проявлением патологического самоосознавания индивида является гипертрофированная тяга к идентификации с группой. При этом, поскольку, в свете вышесказанного такой индивид оказывается, как правило, неспособным найти сколько-нибудь приемлемый баланс между самооценкой и восприятием себя другими членами группы, все сводится к принятию им внешней групповой атрибутики в сочетании с формальными групповыми нормами. Это означает, что проживание им даже первой стадии вхождения личности в группу, стадии адаптации, согласно известной схеме А.В. Петровского, происходит лишь частично. Совершенно закономерно наступает быстрое и, что существенно важно в рассматриваемом контексте, взаимное разочарование и отвержение. В результате индивид превращается в своего рода «социального Агасфера», бесконечно ищущего хоть сколько-нибудь комфортное для себя сообщество. Вряд ли требуется дополнительное разъяснение, каким образом такого рода личностно-социальная деформация связана с феноменом бродяжничества.

Негативное разрешение базисного кризиса третьей стадии эпигенетического цикла влечет за собой, согласно Э. Эриксону, тотальную ролевую фиксацию как альтернативу здоровому чувству цели и свободному ролевому экспериментированию. На уровне социального функционирования личности это выражается в установке на полный отказ от мотивации достижения, в тотальной

приверженности позиции маленького человека от которого ничего не зависит. Такие люди склонны к демонстративному, часто аффективному поведению, обычно направленному на обыгрывание темы несчастливой судьбы, дефицита внимания к ним со стороны окружающих и общества в целом. Еще одним классическим проявлением тотальной ролевой фиксации является крайняя, как интеллектуальная, так и поведенческая, ригидность. Данная психосоциальная дисфункция сама по себе не является ни глубинной причиной, ни даже «триггером» феномена бродяжничества, но создает идеальный, по сути дела, психологический «фон» для его формирования.

Негативное разрешение базисного кризиса четвертой стадии эпигенетического цикла выражается в неспособности индивида к какой-либо созидательной деятельности. Существенно важно в рассматриваемом контексте, что данная дисфункция, по мнению Э. Эриксона, является «логическим следствием глубокого чувства неадекватности собственных общих возможностей» [5, с. 194]. В социальном аспекте это приводит к очевидному ограничению потенциала и дееспособности индивида в получении реального образования даже на уровне средней школы, а, следовательно, в выборе профессиональной карьеры а, в конечном счете, называя вещи своими именами, возможностей социально одобряемых и, более того, социально приемлемых возможностей зарабатывания на жизнь. Закономерно, что, как показано в целом ряде работ Э. Эриксона и его последователей, компенсаторным механизмом именно данной психосоциальной дисфункции оказывается чаще всего

асоциальное, антисоциальное и откровенно криминальное поведение. Понятно, что бродяжничество, во-первых, аккумулирует, по сути дела, все возможные варианты копинг-стратегий подобного рода и, во-вторых, само по себе является копинг-стратегией в отношении данной психосоциальной дисфункции.

Подведем некоторые итоги.

Итак, прежде всего, бродяжничество является, по сути дела, отнюдь, не социальной, как это часто видится на уровне обыденного здравого смысла (которым зачастую руководствуются в данном отношении уполномоченные представители общества в лице государственных служащих), но, прежде всего, социально-психологической проблемой.

В свою очередь, глубинной причиной этой проблемы, применительно к конкретному индивиду, является негативное разрешение базисных конфликтов ранних стадий психосоциального развития. Это означает, что феномен бродяжничества, в том числе в самых экстремальных формах, может проявляться у детей и подростков из абсолютно благополучных по формальным социально-экономическим критериям семей.

Важно, что непосредственной диагностикой рисков и профилактикой такого рода психопатологического поведения реально эффективно может (и должен) заниматься только обученный профессионал.

В связи с этим прямой профессиональной обязанностью психологов-практиков, прежде всего работающих с детьми и подростками, является своевременное выявление группы риска относительно склонности к бродяжничеству и организация профилактических программ, включающих работу с родите-

лями, педагогами, школьной администрацией, а также мероприятия, направленные на предотвращение распространения бродяжничества в курируемом обществе через механизм социального заражения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бонкало С.В.* Коррекция жизненной позиции делинквентных подростков в условиях специальных образовательных учреждений закрытого типа. М.: МГОСГИ, 2012. 224 с.
2. *Глаголева А.В.* Беспризорность: социально-психологические и педагогические аспекты. М.: МПСИ, 2004. 464 с.
3. *Кондратьев М.Ю., Ильин В.А.* Азбука социального психолога-практика. М.: ПЕР СЭ, 2007. 464 с.
4. *Пузыревич Н.Л.* Развитие подростков с рискованным поведением в семье // Социальная психология и общество. 2014. № 1. С.108–114.
5. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

The Phenomenon of Vagrancy from the Perspective of Psychosocial Theory of Development: Origins, Nature and Prevention Guidelines

V.A. ILYIN*,
Moscow, Russia,
va0405@mail.ru

S.V. BONKALO**,
Moscow, Russia,
BonKaLoSerG@yandex.ru

The paper addresses the issue of vagrancy as a social psychological phenomenon determined by personality deviations. It clarifies the conceptual relationship between the notions of 'vagrancy/homelessness' commonly used in practice-oriented research. As it is revealed, vagrancy as a social psychological phenomenon can be interpreted in terms of one's dysfunctional resolution of the basic conflicts of psychosocial development in the early stages of the epigenetic cycle. The paper also outlines the key tasks for practicing psychologists faced with the challenge of vagrancy prevention.

Keywords: *vagrancy, psychosocial development, time confusion, pathological self-awareness, role fixation.*

REFERENCES

- 1 *Bonkalo S.V.* Korrekciya zhiznennoi pozicii delinkventnyh podrostkov v usloviyah special'nyh obrazovatel'nyh uchrezhdenii zakrytogo tipa. [The correction of life attitudes of delinquent teenagers in special educational institutions of the closed type]. Moscow, MGOSGI, 2012, 224 p.
2. *Glagoleva A.V.* Besprizornost': social'no-psihologicheskie i pedagogicheskie aspekty [Homelessness amongst children: the sociopsychological and educational aspects]. Moscow, MPSI, 2004, 464 p.
3. *Kondrat'ev M.Yu., Il'in V.A.* Azbuka social'nogo psihologa-praktika [Handbook of applied social psychology]. Moscow, PER SE, 2007, 464 p.
4. *Puzyrevich N.L.* Razvitie podrostkov s riskovannym povedeniem v sem'e [Features of Development in Adolescents with Risky Behavior] // *Social'naya psihologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2014. Vol. 5, no. 1, pp. 108–114.
5. *Erikson E.* Identichnost': yunost' i krizis [Identity: youth and crisis]. Moscow, Progress, 1996, 344 p.

For citation:

Ilyin V.A., Bonkalo S.V. The Phenomenon of Vagrancy from the Perspective of Psychosocial Theory of Development: Origins, Nature and Prevention Guidelines. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 3, pp. 150–156. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/sps.2015060311.

* *Ilyin Valery* – Doctor in Psychology, professor, Department of Psychology, Social Medicine and Rehabilitation Technologies, Russian State Social University, Moscow, Russia, va0405@mail.ru

** *Bonkalo Sergey* – PhD in Psychology, associate professor, Department of Work Psychology and Service, Russian State Social University, Moscow, Russia, BonKaLoSerG@yandex.ru